

Джек Лондон

Самуэль

Джек Лондон

Самуэль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6696012

Аннотация

«Маргарэт Хэнэн была особой весьма замечательной во всех отношениях, но она в особенности поразила меня, когда я увидел ее в первый раз. Она взвалила себе на плечи стофунтовый мешок зерна и несла его как ни в чем не бывало от телеги к сараю, остановившись лишь на одно мгновение передохнуть, прежде чем подниматься по лестнице, ведущей к закромам. Всех ступенек было четыре, и она поднималась по ним так спокойно и уверенно, что не оставалось никаких сомнений в том, что она донесет мешок, хотя ее худое и тощее тело все изогнулось под его тяжестью. Видно было, что она очень стара. Потому-то я и задержался у телеги, наблюдая за нею...»

Джек Лондон

Самуэль

* * *

Маргарэт Хэнэн была особой весьма замечательной во всех отношениях, но она в особенности поразила меня, когда я увидел ее в первый раз. Она взвалила себе на плечи стофунтовый мешок зерна и несла его как ни в чем не бывало от телеги к сараю, остановившись лишь на одно мгновение передохнуть, прежде чем подниматься по лестнице, ведущей к закромам. Всех ступенек было четыре, и она поднималась по ним так спокойно и уверенно, что не оставалось никаких сомнений в том, что она донесет мешок, хотя ее худое и тощее тело все изогнулось под его тяжестью. Видно было, что она очень стара. Потому-то я и задержался у телеги, наблюдая за нею.

Шесть раз прошла она расстояние между телегой и сараем, каждый раз с полным мешком на плечах; и хотя я стоял на виду, она не обращала на меня никакого внимания. Когда телега опустела, она полезла за спичками и закурила коротенькую глиняную трубочку, прижимая табак заскорузлым и, по-видимому, онемелым пальцем. У нее были замечательные руки, – широкие, костлявые, обезображенные работой

мозолистые руки с тупыми, поломанными ногтями, покрытые заживающими и свежими царапинами; такие руки обычно бывают у людей, занятых тяжелым физическим трудом. О ее возрасте можно было судить по сильно выступавшим на руках синим венам. Не верилось, что эти руки принадлежали женщине, которая некогда считалась первой красавицей острова Мак-Джилля. Впрочем, об этом я узнал лишь много времени спустя. Тогда я не знал ни ее самой, ни ее биографии.

Большие, грубые мужские сапоги, надетые на босу ногу, при ходьбе болтались и били ее по тощим икрам. На ней была мужская рубаха и рваная юбка из некогда красной фланели. Фигура у нее была бесформенна, но особенно поразило меня ее морщинистое изнуренное лицо, обрамленное шапкой косматых волос. Ни эти косматые волосы, ни темные морщины не могли скрыть ее прекрасного высокого лба.

Впалые щеки и горбатый нос мало соответствовали ее блестящим голубым глазам. Несмотря на множество окружающих морщин, глаза эти были ясны, как у молодой девушки, а их острый пронизывающим взгляд мог хоть кого привести в замешательство. Глаза у Маргарет были при этом очень своеобразно поставлены. Обычно расстояние между глазами бывает не больше длины глаза, а у нее это расстояние было чуть ли не в полтора раза больше. Но особенность эта, вследствие поразительной симметричности лица отнюдь не производила неприятного впечатления. Случайный наблю-

датель мог вполне не заметить этого. Ее беззубый рот, с опущенными углами сухих и тонких губ, не отвисал, как это часто бывает у старух. Ее губы можно было бы принять за губы мумии, если бы не присущее им выражение страшно-го упорства. Они не были безжизненными, напротив, в них было какое-то напряжение, выражавшее одухотворенную решимость. В этих глазах и губах таился ключ той уверенности, с которой она втаскивала тяжелые мешки по крутым ступенькам, не оступаясь и не теряя равновесия.

– Вы старая женщина и так работаете, – решился я сказать.

Она взглянула на меня пристальным, странным взглядом, думая и говоря с характерной для нее медлительностью, словно она была уверена в своей вечности и вовсе не считала нужным торопиться. Снова меня поразила ее безмерная уверенность в себе. Ее твердая походка была, казалось, тоже результатом этой самоуверенности. В своей духовной жизни она, по-видимому, так же мало рисковала оступиться, как когда таскала стофунтовые мешки с зерном. Она производила на меня жутковатое впечатление.

Как ни мало я знал ее, я уже чувствовал, что у меня не может с ней быть ничего общего. Чем ближе я узнавал ее в течение последующих недель, тем сильнее чувствовал свою отчужденность от нее. Она представлялась мне гостьей с другой планеты, и ни я, ни кто-либо из моих земляков не могли проникнуть в мир ее душевных переживаний, не могли по-

нять, каким образом она стала такою.

– Через две недели после великой пятницы мне исполнится семьдесят два года, – сказала она в ответ на мое замечание.

– Я и говорю, что вы слишком стары для такой работы, – повторил я. – Ведь это работа мужчины, да еще здорового мужчины.

Но она уже погрузилась в созерцание вечности, и это было так странно, что я не удивился бы, если бы мне сказали, что прошло сто лет или еще больше, прежде чем я услышал ее ответ:

– Ведь надо же делать эту работу. А помочь мне некому.

– Неужели у вас нет детей или родных?

– О, их у меня хоть пруд пруди, да разве они станут мне помогать!

Она на секунду вынула изо рта трубку и сказала, кивнув на дом:

– Я живу сама по себе.

Я поглядел на крепкий дом, крытый соломой, на большие амбары и на обширные поля, принадлежавшие этой же ферме.

– Разве можно одной обрабатывать такой большой участок?

– Да, участок большой – семьдесят акров. Мой старик много повозился с ним. Ему помогал сын, да наемный работник, да поденщики во время уборки, да девка, исполняв-

шая домашнюю работу.

Взобравшись на телегу, она взяла вожжи и спросила, кивнув на меня пронизательный взгляд:

– Вы, наверное, с той стороны океана?

– Да, я американец, – ответил я.

– Вы, небось, в Америке ни разу не встречали ни одного жителя Мак-Джилля?

– Никогда не встречал.

Она кивнула головой.

– Они домоседы, хотя нельзя сказать, чтобы они были не способны путешествовать. Всех их, однако, тянет домой, и они всегда возвращаются восвояси, – конечно, если не погибают где-нибудь на чужбине от лихорадки.

– Значит, ваши сыновья были моряками и вернулись домой?

– Да, все кроме Самуэля, – Самуэль утонул.

Я готов поклясться, что при упоминании Самуэля глаза у нее блеснули, и я почувствовал острый приступ соболезнования. Мне почудилось, что тут лежит ключ ко всем ее тайнам и объяснение всех ее странностей. Мне показалось, что между нами пробежал некий ток, и я заглянул ей в душу. Я хотел уже расспросить ее, но она вдруг причмокнула губами, хлестнула лошадь и, крикнув мне: «Добрый день!» – уехала.

Жители Мак-Джилля – простой и славный народ, и я думаю, что во всем мире нет более трезвых и трудолюбивых людей. Если встретить их за границей (только на море, ибо

они – смесь моряков и фермеров), то их нельзя принять за ирландцев. Сами они считают себя за ирландцев, с гордостью говорят об Ирландии и подшучивают над своими братьями-шотландцами. Тем не менее, они, несомненно, шотландцы – правда, переселившиеся много лет назад, но все же шотландцы, со всеми их характерными чертами, не говоря уже об особенностях их мягкого произношения, которое лучше всего доказывает их шотландское происхождение.

Узкая полоса воды в полмили шириною отделяет остров Мак-Джилль от Ирландии. Но стоит только переехать оттуда на Мак-Джилль, чтобы очутиться в совершенно другой стране. Шотландское влияние чувствуется очень сильно: все жители острова Мак-Джилля пресвитериане и настолько трезвы, что на всем острове нет ни одного кабака, хотя живет там семь тысяч человек. Живут они по старинке: общественное мнение для них – высший закон; духовенство пользуется неоспоримым влиянием; родителям повинуются и уважают их так, как нигде. Всякое ухаживание прекращается в десять часов вечера, и без согласия родителей ни одна девушка не решится даже пойти гулять со своим возлюбленным.

Молодые люди часто отправляются в море, разгульная портовая жизнь засоряет их души, и однако, возвращаясь после своих путешествий, они снова ведут строгую, воздержанную жизнь, ухаживают до десяти часов вечера, каждое воскресенье бывают в церкви и слушают проповедника, а дома выслушивают знакомые с детства строгие наставления. Эти

моряки-скитальцы знавали за морем немало женщин, однако никто из них никогда не привозил себе жен из-за границы. Единственным исключением был школьный учитель, осрамившийся тем, что взял себе жену за полмили, по ту сторону «воды». Ему этого так и не простили до самой смерти. Когда он умер, жена его вернулась к своим родным, жившим на том берегу, – и пятно на гербе острова Мак-Джилля, таким образом, было смыто. Обычно кончалось тем, что моряки женились на девушках своего родного острова, начинали вести строгую и честную жизнь и становились образцами тех добродетелей, которыми славился остров.

Остров Мак-Джилль не имел истории. Он не мог похвастаться ни одним происшествием, которое было бы достойно попасть на страницы истории. На острове никогда не было ни революционных выступлений, ни заговоров, ни аграрных беспорядков. Там был только один случай лишения владения, и то чисто формальный – просто опыт, произведенный владельцем по совету адвоката.

У острова Мак-Джилля не было летописи. История шла мимо него. Он исправно платил подати, признавал своих коронованных повелителей и держался в стороне от всего мира; взамен он требовал только одного: чтобы и мир оставил его в покое. Вселенная делилась на две части – на остров Мак-Джилль и на весь остальной мир. Все, что не было островом Мак-Джиллем, было чуждым и даже варварским; все жители это знали, да и не могли не знать. Их соотечествен-

ники-мореходы достаточно хорошо изучили другие безбожные страны.

В первый раз в жизни я услышал об острове Мак-Джилле от шкипера парходика из Глазго, на котором я ехал в качестве пассажира из Коломбо в Рангун; этот же шкипер снабдил меня письмом к некоей миссис Росс, вдове капитана, жившей с дочерью и двумя сыновьями – тоже капитанами, бывшими в то время на море. Миссис Росе не сдавала комнат, но благодаря письму шкипера мне удалось у нее поселиться. Однажды вечером, после встречи моею с Маргарэт Хэнэн, я заговорил о ней с миссис Росс и сразу понял, что я напал на нечто действительно весьма таинственное.

Миссис Росс, подобно всем остальным жителям острова, сначала не хотела говорить со мною о Маргарэт Хэнэн. Однако она все же сообщила мне, что Маргарэт Хэнэн была некогда первой красавицей на острове. Будучи дочерью весьма зажиточного фермера, она вышла замуж за некоего Томаса Хэнэн, человека вполне обеспеченного и независимого. Ей совсем не приходилось исполнять тяжелую работу. Кроме домашнего хозяйства, она ничем не занималась и, не в пример своим соотечественницам, никогда не работала в поле.

– А что случилось с ее детьми? – спросил я.

– Двое ее сыновей – Джэми и Тимоти – женаты и плавают в море. Джэми принадлежит большой дом рядом с почтой. Незамужние дочери живут вместе с ними.

– А остальные умерли?

– Самуэли? – спросила Клара с оттенком иронии в голосе.

Клара была дочерью миссис Росс. Это была молодая красивая женщина с превосходной фигурой и чудесными черными глазами.

– Ты чего усмехаешься? – с упреком сказала мать.

– Почему Самуэли? – спросил я. – Я не понимаю.

– Так, звали четырех ее умерших сыновей.

– Как! Их всех звали Самуэлями?

– Да.

– Странно! – заметил я при всеобщем молчании.

– Да, очень странно, – подтвердила миссис Росс, продолжая вязать шерстяную фуфайку, лежавшую у нее на коленях. Она постоянно вязала эти фуфайки для своих сыновей-шкиперов.

– Так неужели только Самуэли умерли? – продолжал я, пытаясь поддержать этот разговор.

– Прочие живы до сих пор, – отвечала она. – Отличное семейство. Лучшего не найти на всем острове. И моряков таких никогда не было на Мак-Джилле. Пастор всегда ставил их всем в пример. Да и о девушках нельзя сказать ничего дурного.

– Но как же они решились покинуть ее одну на старости лет? – заметил я. – Как же ее родные дети не позаботятся о ней? Она живет совсем одна. Неужели они не могут помочь ей в работе?

– Нет. И это продолжается уже двадцать один год. Но она сама в этом виновата. Она всех их выгнала из дому, а старого Томаса, Хэнэна, который был ее мужем, она вогнала в гроб.

– Пила? – рискнул я спросить.

Миссис Росе с презрением покачала головой: такая слабость не была знакома жителям острова Мак-Джилля.

Наступило молчание, в продолжение которого миссис Росс упорно вязала и оторвалась на миг от вязанья лишь для того, чтобы кивком разрешить молодому штурману парусной шхуны, жениху Клары, пойти погулять с ее дочерью. Я в это время рассматривал страусовые яйца, висевшие в углу подобно гигантским плодам. На каждом был грубо намалеван морской пейзаж – бурное море, по которому плыли суда с надутыми парусами, причем отсутствие перспективы искупалось точным соблюдением разных технических подробностей. На камине стояли две огромные раковины с резьбой, исполненной терпеливыми руками преступников из Новой Каледонии. Посередине каминной полки помещалось чучело райской птицы, а по всей комнате были разбросаны огромные раковины Южных Морей; хрупкие кораллы особой породы «пи-пи» помещались под стеклом; тут были ассагоны из Южной Африки, каменные топоры из Новой Гвинеи, большие вышитые кисеты из Аляски, с изображением всевозможных геральдических рисунков, бумеранги из Австралии, модели судов в стеклянных банках, чашка для «кай-кай» людоедов с Маркизовых островов, резные китай-

ские и индейские шкатулки с перламутровыми и деревянными инкрустациями.

Глядя на эти трофеи, привезенные сыновьями-моряками, я размышлял о тайне Маргарет Хэнэн, вогнавшей в гроб своего мужа и покинутой собственными детьми. Она не пила. В чем же дело? Может быть, причиной была жестокость или какая-нибудь неслыханная измена? Или, может быть, страшное преступление, – из тех, которые подчас случаются в деревнях?

Я по очереди высказал свои догадки, но миссис Росс отрицательно качала головой.

– Не в том дело, – сказала она. – Маргарет была честной женой и хорошей матерью. Я уверена, что она никогда и мухи не обидела. Она отлично воспитала своих детей и держала их в страхе божием. Вся беда в том, что она свихнулась – стала форменной дурой.

И миссис Росс многозначительно постучала себе по лбу.

– Но я разговаривал с ней сегодня утром, – заметил я. – По-моему, напротив, она очень не глупая женщина, а для своих лет замечательно толковая.

– Все это так, – спокойно подтвердила Росс, – я про это и не говорю. Я говорю о ее диком, преступном упрямстве. Более упрямой женщины еще не было на свете. И все это из-за Самуэля. Так звали ее младшего и, говорят, любимого брата, покончившего с собой из-за ошибки пастора, не зарегистрировавшего в Дублине новой церкви. Ясно было, что имя

это приносит несчастье, но она и слышать об этом не хотела. Сколько было об этом толков, когда она назвала Самуэлем своего старшего ребенка, того самого, который умер от крупа. И что же! Когда родился второй, она опять назвала его Самуэлем. Трех лет отроду он свалился в кипящий котел и сварился. И все это из-за ее проклятого упрямства! Она во что бы то ни стало хотела иметь сына Самуэля. В результате у нее умерло четыре сына. После смерти первого ее мать валялась у нее в ногах и умоляла больше не называть мальчиков Самуэлями. Но ее невозможно было уговорить. Когда дело касалось Самуэлей, Маргарэт Хэнэн всегда поступала по-своему.

Она была помешана на этом имени. Все ее друзья и родные демонстративно ушли из ее дома, когда крестили второго сына – того, который сварился. Они удалились в ту минуту, когда пастор спросил, какое имя дать ребенку, и она ответила: «Самуэль». Они все встали и вышли из дому. Тетка Фанни, сестра ее матери, уходя обернулась и сказала так, что все слышали: «Зачем она хочет погубить невинного малютку?» Пастор это слышал и тоже был недоволен, но, как он потом говорил моему Ларри, ничего не мог поделать. Она этого хотела, а нет закона, запрещающего матери называть сына по своему желанию.

И третьего сына она опять назвала Самуэлем. А когда он погиб в океане, она пошла против всех законов природы и родила четвертого! Вы только подумайте! Ей было сорок

семь лет. Родить в сорок семь лет! Вот был скандал!

На следующее утро Клара рассказала мне историю любимого брата Маргарэт; в течение недели из разных рассказов я, наконец, восстановил трагическую историю Маргарэт Хэнэн. Самуэль Дэнди был младшим ее братом, и, по словам Клары, Маргарэт не чаяла в нем души. Он был уже капитаном одного из парусников «Банк-Дайн», когда ему вздумалось жениться на Агнессе Хьюитт. Она была, по описанию, хрупкой и болезненной девушкой, очень нежной и очень чувствительной. Их свадьба была первой свадьбой в новой церкви; по прошествии двух недель Самуэлю пришлось распрощаться со своей молодой женой и отплыть в море на большой четырехмачтовой шхуне «Логбанк».

Роковая ошибка пастора произошла именно из-за этой новой церкви. Правда, один из старшин впоследствии объяснил, что это не было, собственно, его ошибкой, что виновата была консистория, управлявшая пятнадцатью церквями острова Мак-Джилля. Старая церковь совсем развалилась, ее нельзя было даже починить, а потому ее сломали и на старом фундаменте построили новую церковь. Глядя на ее фундамент, имевший форму корабельного киля, пастор да и никто другой, не мог и вообразить, что новая церковь будет менее законной, чем старая.

– В течение первой недели, – рассказала мне Клара, – в новой церкви были обвенчаны три пары. Первыми обвенчались Самуэль Дэнди и Агнесса Хьюитт; потом Альберт Ма-

хан и Минни Дункан; в конце недели – Эдди Трой и Фло Мэкингош – все моряки.

Последний из них отправился в плавание через шесть недель, и никто не подозревал, какое несчастье готовит им судьба.

Очевидно, сам дьявол впутался в это дело. И то сказать, – ему это было на руку. Свадьбы происходили в мае, а через три месяца, как полагается, пастор представил дублинским властям свой отчет за треть года. Но в ответ пришло извещение, что церковь не утверждена законом, ибо не была своевременно зарегистрирована. Церковь сейчас же была узаконена путем регистрации, но не так просто было узаконить браки. Все три мужа плавали в море, а их жены... их жены-то вовсе не были их женами.

Священник не хотел смущать народ, – продолжала Клара, – и созвал совет, на котором было решено дожидаться возвращения молодых людей. И вот однажды, когда пастор крестил кого-то на дальнем конце острова, внезапно вернулся Альберт Махан, судно которого прибыло в Дублин. Священник узнал об этом в девять часов вечера, когда уже надевал свои ночные туфли и собирался ложиться спать. Он тотчас вскочил, велел заложить лошадь и помчался прямо к Альберту. Альберт ложился спать и уже стаскивал сапоги.

«Ступайте за мною, – кричит им пастор, – оба ступайте!»

«С какой стати, – возражает Альберт, – я устал до смерти и хочу спать».

«Вам нужно законно обвенчаться», – говорит пастор.

Альберт мрачно посмотрел на него и говорит:

«Знаете что, пастор, я не люблю этаких шуток!» – а про себя думает: «Как это пастора угораздило так нализаться?»

«Разве мы не повенчаны?» – спрашивает Минни.

Пастор отрицательно качает головой.

«Разве я не миссис Махан?»

«Нет, – отвечает он, – вы только мисс Дункан».

«Да ведь вы же сами нас повенчали», – говорит она.

«И да и нет», – отвечает пастор.

Когда он, наконец, рассказал им в чем дело, Альберт надел сапоги, и они отправились вместе с пастором, чтобы законно обвенчаться. Альберт Махан частенько говорил потом, что не каждому доводилось два раза венчаться на острове Мак-Джилле.

Через шесть месяцев вернулся домой Эдди Трой, и его тоже обвенчали вторично. Но Самуэль Дэнди отправился в плавание на три года, и его судно не вернулось в срок. Как на грех у его жены на руках был двухлетний ребенок, ожидавший возвращения отца. Шли месяцы, бедная жена худела и страшно беспокоилась.

«Я думаю не о себе, – бывало, говорила она, – а об этом бедном малютке без отца. Кем он будет, если что-нибудь случится с Самуэлем».

Ллойд занес «Логбанк» в список погибших судов и перестал выплачивать его жене половину жалованья. Вопрос о

законности ребенка так ее мучил, что когда была потеряна всякая надежда, на возвращение Самуэля, она вместе с ребенком утопилась в озере. Но вот тут-то и начинается самое главное несчастье. «Логбанк» вовсе не погиб. Вследствие всяких неудач и частых задержек он сделал такой крюк, какой приходится делать судам, быть может, раз в пятьдесят лет. Вот, вероятно, радовался при этом дьявол! Когда Самуэль вернулся и узнал ужасную новость, – у него что-то случилось в мозгу и в сердце. На следующее утро его нашли на могиле жены и ребенка, где он пытался покончить жизнь самоубийством. Никто еще никогда так страшно не умирал на острове Мак-Джилле. Он плевал пастору в лицо, ругался и так кощунствовал перед смертью, что все окружающие дрожали от ужаса.

И все-таки, несмотря на это, Маргарэт Хэнэн назвала своего первого сына Самуэлем.

Ничем нельзя объяснить упрямство этой женщины. У нее была какая-то болезненная потребность назвать ребенка Самуэлем. Ее третий ребенок был, к счастью, девочкой, которую она назвала своим именем, но четвертый ребенок был опять мальчиком. Несмотря на все эти несчастья, она непременно решила назвать ребенка Самуэлем в честь рокового брата. Теперь все стали ее избегать даже в церкви. Мать Маргарэт прямо сказала, что если та назовет ребенка этим проклятым именем, – она никогда не будет с нею разговаривать. И старуха сдержала слово, хотя прожила еще тридцать лет.

Пастор согласился окрестить ребенка каким угодно именем, кроме Самуэля. Все другие пасторы на острове Мак-Джилл говорили то же самое Маргарэт Хэнэн хотела даже подавать на них в суд, но потом взяла и отвезла ребенка в Бельфаст; там его и окрестили Самуэлем.

Ничего плохого не случилось. Весь остров был поражен. Мальчишка рос и чувствовал себя превосходно. Учитель не мог им нахвалиться. К всеобщему удивлению, ребенок даже не хворал никакими детскими болезнями. У него не было ни кори, ни свинки, ни скарлатины. Он был абсолютно невосприимчив к болезням. У него никогда не болела голова, никогда не стреляло в ушах, у него на коже не было никогда ни одного чирия или прыщика. Мальчик всех превзошел в учении и в атлетике. Он и ростом был выше всех своих сверстников.

Маргарэт Хэнэн торжествовала. Этот удивительный мальчик был ее сыном и вдобавок носил ее любимое имя. Все родные и знакомые, за исключением ее матери, помирились с ней и признали, что они ошибались, хотя некоторые старухи продолжали упорствовать и мрачно шушукались между собой за чашкой чая. Мальчик был слишком необыкновенный, чтобы долго жить, а кроме того, проклятье, несомненно, тяготело над ним. Молодежь стояла за Маргарэт и смеялась над суевериями; но старые вороны продолжали каркать.

После этого родились другие дети. Пятым ребенком был опять мальчик, которого Маргарэт назвала Джэми, а затем

одна за другой родились три девочки – Алиса, Сара, Нора; затем мальчик Тимоти и еще две девочки – Флоренс и Кэтти. Кэтти была одиннадцатой и последней. Маргарэт Хэнэн в тридцать пять лет на этом решила остановиться. Нужно сказать, что она верой и правдой послужила острову. У нее было девять здоровых детей. Все они быстро развивались. Маргарэт казалось, что рок вполне удовлетворился гибелью двух ее мальчиков. У нее было девять детей, но один из них назывался Самуэлем.

Джэми решил сделаться моряком, не по своей, правда, воле, а потому, что на острове Мак-Джилле установился обычай отправлять младших сыновей в плавание, а старших – сажать на землю. Тимоти последовал примеру Джэми, и когда тот в первый раз принял командование пароходом, вышедшим из Кардифа, Тимоти был младшим помощником на большом парусном судне. Но Самуэль не имел особенной склонности к оседлой жизни. Ферма мало его привлекала. Его братья стали моряками не по склонности, а потому что это был единственный способ прокормить себя и семью; он же, который в этом не нуждался, завидовал им, когда они возвращались из плавания и, сидя у очага, рассказывали о своих приключениях и о чудесах далеких стран.

Самуэль сделался учителем, что вовсе не нравилось его отцу, и даже получил какую-то ученую степень, сдав экзамен в Бельфасте. Когда старый учитель вышел в отставку, Самуэль занял его место. Тайком он продолжал изучать мо-

реплавание, и старая Маргарэт любила слушать, как он сбивал в теоретических навигационных вопросах своих братьев, хотя они уже достигли звания штурманов. Том Хэнэн пришел в страшную ярость, когда Самуэль – школьный учитель, джентльмен и вдобавок наследник фермы – взял и отправился в плавание простым матросом на парусном судне. Маргарэт твердо верила в счастливую звезду своего сына и была уверена, что все, что он ни делает, – к лучшему. И в самом деле, Самуэль, бывший исключительным человеком во всех областях, и тут проявил себя в полном блеске: на свете не было еще моряка, который бы повышался на службе так быстро, как Самуэль. Проведя в море всего два года в качестве матроса, он был уже временно произведен в младшие помощники. Это назначение он получил в одном из портов западного побережья, славящегося своими лихорадками, и комиссия из шкиперов, экзаменовавшая его, должна была признать, что он знал по навигации больше, чем знали они сами. Через два года он отбыл из Ливерпуля штурманом на «Стэрри Грэйс», имея в кармане капитанский диплом. И вот тогда-то произошло то событие, о котором уже в течение многих лет каркали старые вороны.

Его рассказал мне Гэвин Мак-Нэб, уроженец Мак-Джилля, служивший боцманом на «Стэрри Грэйс».

– Я очень хорошо все это помню, – говорил он. – Мы шли на восток, и разразилась ужасная буря. Самуэль Хэнэн был превосходным моряком, другого такого я не видел в своей

жизни. Я отлично помню выражение его лица в тот роковой день. Море бушевало вокруг, швыряя нашу шхуну, а капитан уже несколько дней пьянствовал у себя в каюте. В семь часов Хэнэн поставил шхуну к ветру, не рискуя больше бороться с ураганом. В восемь часов, после утреннего чая, он снова вышел на мостик, а через полчаса туда же явился и капитан выпучив глаза и еле держась на ногах.

Буря свирепствовала как никогда, а он стоял, шатаясь, икая и разговаривая сам с собой.

«Клади руль!» – крикнул он вдруг рулевому.

«Помилуй вас бог!» – воскликнул младший помощник, стоявший рядом с ним. Но капитан продолжал бормотать что-то себе под нос. Вдруг он опять гаркнул рулевому во все горло:

«Клади руль, черт тебя дери! Оглох ты, что ли? Клади руль!»

Очевидно, пьяным везет, потому что иначе ничем нельзя объяснить, каким образом «Стэрри Грэйс» шел при такой погоде, не зачерпнув ни одного ведра воды, хотя нужно сказать, что помощники старались всюю, а матросы носились как сумасшедшие. Капитан самодовольно хихикнул и отправился в каюту, чтобы хлопнуть еще виски. Он, очевидно, решил всех нас этим поразить, ибо самое большое судно не могло бы идти при такой буре. Я в жизни не видал ничего подобного. Нельзя даже вообразить, что творилось на море, а я ведь плаваю уже сорок лет, начав еще мальчишкой. Ей-

богу, это было нечто неслыханное.

Младший помощник побледнел как смерть. Простояв на мостике полчаса, он спустился вниз и послал себе на смену Самуэля. Ах, какой моряк был этот Самуэль! Но даже он с трудом выдерживал.

Он глядел по сторонам и думал, что предпринять, и ничего не мог придумать. Прежде чем судно могло бы взять правильный курс, с него смыло бы всю команду и его разбило бы вздыг. Ничего не оставалось, как продолжать идти дальше. Мы все равно знали, что всем нам пришла крышка, и что если ветер усилится, всех нас смоеет в море.

Я, кажется, сказал, что бог послал эту бурю. Нет! Скорее ее накликать на нас сам дьявол. Я видал виды на своем веку, смею вас уверить, но я бы не хотел вторично пережить такую бурю. Никто не решался оставаться в каюте. На палубе тоже никого не было. Все матросы столпились на мостике и наблюдали, держась за что попало. Трое помощников стояли на корме, и только эта пьяная скотина капитан валялся внизу в каюте.

Вдруг я вижу, что на расстоянии мили от нас поднимается такая огромная волна, какой я никогда в жизни не видал. Трое помощников, стоявшие рядом со мною, тоже заметили ее приближение, и все мы начали молиться, чтобы она не обрушилась на нас. Но, очевидно, не так-то было угодно богу. Перед самым носом судна волна вдруг взвилась чуть ли не до неба, подобно огромной горе, при чем штурманы бросились

в разные стороны, второй и третий помощники полезли на бизань-мачту, но старший помощник – Самуэль Хэнэн – ах, какой был храбрый человек! – бросился к рулевым, чтобы помочь им. Он не думал о себе, а думал только о спасении судна.

Двое рулевых были привязаны к штурвалу, но он хотел их заменить на тот случай, если бы они погибли. И вот тут-то волна и обрушилась на нас. Мы, стоя на мостике, не могли видеть кормы, масса воды в тысячу тонн залила ее. Эта волна начисто смыла все и утащила всех за собою – и двух помощников, которые полезли на бизань-мачту, и Самуэля Хэнэна, и двух рулевых у штурвала, и самый штурвал. Мы больше никогда не видели их. Судно наше стало кружиться волчком, причем утонули еще два матроса, бывшие с нами на мостике. Потом на корме мы нашли труп плотника, превращенного в какой-то кисель. У него не осталось ни одной целой косточки.

Тут-то и начинается самое удивительное, рисующее в ярких красках своеобразный героизм этой женщины. Маргарет Хэнэн было сорок семь лет, когда она узнала о гибели Самуэля. И вот через некоторое время по острову Мак-Джиллю распространился удивительный слух. Это было невероятно! Никто не хотел верить. Доктор Холл фыркал, и все смеялись, словно это была просто-напросто остроумная шутка. Узнали, что сплетня исходит от Сары Дэк – служанки Хэнэн, жившей в их доме. Все тотчас решили, что Сара Дэк просто

врет, хотя сама она клялась и божилась, что все это правда. Кто-то решился даже спросить однажды самого Тома Хэнэн, но тот только ругался и чертыхался в ответ.

Сплетня затихла на то время, когда весь остров был занят обсуждением гибели «Гренобля» в Китайском море. На «Гренобле» погибли все офицеры и весь экипаж, половина которого состояла из уроженцев Мак-Джилля. Но потом сплетня снова воскресла. Сара Дэк продолжала настаивать. Том Хэнэн начал смотреть все мрачнее и мрачнее, и даже доктор Холл, побывав у Хэнэн, перестал фыркать. Ну, тут уж весь остров встрепенулся, и у всех стали чесаться языки. Это было против всех законов божеских и человеческих. Никогда еще не было ничего подобного. Когда наступил срок, и нельзя было уже сомневаться в правдивости показаний Сары Дэк, все в один голос решили, подобно боцману «Стэрри Грэйс», что тут не обошлось без черта. Сара Дэк рассказывала, между прочим, что Маргарэт Хэнэн была убеждена в том, что у нее родится мальчик.

«Я родила одиннадцать детей, – говорила она, – шестерых девочек и пятерых мальчиков. Во всем должен быть ровный счет. Шесть мальчиков и шесть девочек – вот вам и ровный счет. Я уверена, что у меня будет мальчик. Это так же несомненно, как то, что солнце встает каждое утро».

И действительно, родился мальчик, и притом какой-то удивительный. Доктор Холл восхищался его крепким и здоровым сложением и даже написал статью в «Дублинском Ме-

дицинском Обозрении», где указывал, что это был самый интересный случай в его практике за последние несколько лет. Сара Дэк всем рассказывала о невероятном весе ребенка, и опять ей никто не верил, и все говорили, что она привирает. Но когда ее слова были подтверждены доктором Холлом, который сам взвешивал и осматривал ребенка, то жители МакДжилля поневоле прикусили язык и должны были уже верить всем слухам, которые распространяла Сара Дэк о росте и аппетите ребенка. И однажды Маргарэт Хэнэн снесла мальчика в Бельфаст и назвала его при крещении Самуэлем.

– Это был не ребенок, а золото, – говорила мне Сара Дэк.

Я познакомился с Сарой Дэк, когда она была уже почтенной старушкой, лет шестидесяти, причем ей сопутствовала такая трагическая и необыкновенная репутация, что если бы ее язык болтал еще десятки лет, то и тогда она продолжала бы оставаться героиней всех местных кумушек.

– Да, не ребенок, а золото, – повторяла Сара Дэк. – Он никогда не капризничал, а сидел себе спокойно на солнышке, пока, бывало, не проголодается. А какой он был сильный! Он сжимал ручками, как взрослый мужчина. Через несколько часов после рождения он так схватил меня, что я закричала от боли. И какое у него было превосходное здоровье! Он спал, ел, рос и никому не мешал. Он ни разу никого не разбудил ночью, даже когда у него прорезывались, зубы. А Маргарэт носила его на руках и все говорила, что второго

такого красавца нет во всем Соединенном Королевстве.

А как он рос! Как быстро он рос и как много ел! В год он был ростом с иного двухлетнего. Только в ходьбе и в разговоре он почему-то отставал. Ползал на четвереньках, издавал горлом какие-то звуки – и больше ничего. Это, конечно, можно было объяснить его чересчур быстрым ростом. А он все рос и становился все здоровее. Сам Старый Хэнэн удивлялся его силе и говорил, что в Великобритании не найти другого такого мальчугана. Доктор Холл первый высказал одно подозрение, но тогда, помню, я и не подумала, чем это может кончиться. Я припоминаю, как он показывал маленькому Сэмми какие-то вещицы, производившие шум. Он подносил их ему к ушам, потом показывал издали. Кончив свое исследование, доктор ушел, хмурая лоб и недовольно качая головой, словно ребенок был болен. Но я готова была поклясться, что он здоров: об этом свидетельствовали его быстрый рост и хороший аппетит. Доктор Холл не сказал Маргарет ни слова, и я никак не могла понять, что его огорчает.

Я хорошо помню, как маленький Самми в первый раз заговорил. Ему было всего два года, но ростом он был с пятилетнего ребенка, и все ползал на четвереньках, никому не мешая и всегда довольный, если его часто кормили. Я как раз развешивала белье, вдруг он вылез на четвереньках, болтая головой и моргая от яркого солнца. И вот тут он заговорил. Я так испугалась, что едва не умерла: я сразу поняла, поче-

му доктор Холл печально качал головой. Да, он заговорил. Смею вас уверить, что ни один еще ребенок на острове Мак-Джилле не говорил так громко. Я так и задрожала от ужаса. Маленький Самми вопил, он выл как осел, – да, именно, как осел. Он ревел так громко, весело и долго, что казалось, у него лопнут легкие.

Самми был идиотом, – ужасным, чудовищным идиотом, и доктор Холл сказал об этом Маргарет, после того как мальчик заговорил. Но мать не хотела ему верить. Она утверждала, что это обойдется, и приписывала все слишком быстрому росту.

«Подождите, – говорила она, – вы увидите».

Но старый Том Хэнэн понял в чем дело, и с тех пор его трудно было узнать. Он ненавидел это существо, не хотел даже касаться до него, хотя когда-то любовался им целыми часами. Я часто видела, как он с ужасом смотрел на него из-за угла. А когда мальчик начинал реветь, старый Том затыкал себе уши, и на него страшно и жалко было смотреть.

Как мальчуган ревел! Больше он ни на что не был способен, разве только на то, чтобы расти. Когда он был голоден, он начинал завывать, и унять его можно было только пищей. Каждое утро он на четвереньках вылезал из дома, грелся на солнце и ревел. Из-за этого-то рева он и погиб в конце концов.

Я очень хорошо все это помню. Ему было всего три года, хотя на вид ему можно было свободно дать все десять.

А старый Том чувствовал себя хуже и хуже: ходит в поле за плугом и все разговаривает сам с собой, бормочет.

Я помню, как он сидел в тот день на скамейке у кухонной двери и прилаживал новую рукоятку к своему заступу. Вдруг выполз его ужасный сын и начал реветь, по обыкновению, жмурясь от солнца. Я видела, как старый Том выпучил глаза и смотрел на чудовище, ревавшее перед ним, точно осел. Том не мог этого выдержать, и что-то стряслось с ним. Он вдруг вскочил и изо всех сил хватил чудовище рукояткой заступы по голове, и все бил и бил, словно это была бешеная собака. Затем он прямо отправился в конюшню и повесился там на перекладине. Ну, после этого я уже не могла оставаться у них и перешла к своей сестре, которая вышла за Джона Мертина и отлично живет.

Сидя на скамейке возле кухни, я поглядывал на Маргарэт Хэнэн, которая в это время прижимала табак в трубке заскорузым пальцем и смотрела на поля, подернутые вечерним сумраком. На этой скамейке сидел и Том Хэнэн в тот ужасный день его жизни. А Маргарэт сидела на тех самых ступеньках, где грелся на солнце, мотал головой и ревел страшный идиот. Мы беседовали с ней около часу, и она все время говорила с той медлительностью, которая так шла к ней: она словно созерцала вечность.

Я никак не мог понять, какими мотивами руководствовало в своем упорстве это удивительное существо. Хотела ли она пострадать за правду? Или она втайне поклонялась како-

му-то неизвестному божеству? Может быть, она думала, что служит отвлеченной правде – высшей цели человека – в тот далекий день, когда назвала своего первенца Самуэлем. Или это было просто ослиное упрямство? Упорство кобылы с норовом? Тупое упрямство крестьянского ума? Или это было капризом? Фантазией? Была ли она безумною только в этой части своего рассудка, или, напротив, в ней жил дух Бруно¹?

Была ли она убеждена в своей логической последовательности? Хотела ли она воспротивиться глупому суеверию своих сограждан, или, наоборот, ею самую руководило суеверие, особого рода фатализм, альфой и омегой которого было старинное имя – Самуэль.

– Скажите, – говорила она мне, – неужели, если бы я назвала второго Самуэля Лэри, он не сварился бы в котле с кипятком? Скажите, сэр, это останется между нами, – вы как будто образованный человек, – неужели имя играет какую-нибудь роль? Неужели я бы не стирала в тот день, если бы он был Лэри или Майкель? Неужели кипяток не был бы кипятком, и неужели он не ошпарил бы ребенка, если бы его звали не Самуэлем, а иначе?

Я подтвердил правильность ее рассуждений, и она продолжала:

– Неужели имя может изменить предначертание господа? Значит, мир управляется кем-то другим, а бог – просто

¹ Джордано Бруно сожжен на костре инквизицией за свои философские взгляды (в 1600 г., в Риме).

слабое капризное существо, которое решается изменять вечный ход вещей только потому, что какой-то червь – Маргарет Хэнэн – назвала своего ребенка Самуэлем. Вот, например, мой сын Джэми не взял в свою команду какого-то Рушэн-Фэнна, говоря, что тот накличет на них бурю. Что это, по-вашему? Неужели бог, создавший мир, будет слушаться какого-то вонючего Рушэн-Фэнна, сидящего где-то на борту грязной шхуны?

Я сказал, что она безусловно права; но она продолжала развивать свою мысль.

– Неужели бог, который управляет движением небесных светил, и для могучих ног которого весь мир только подставка, – неужели вы думаете, что он может назло Маргарет Хэнэн послать огромную волну, которая бы смыла ее сына у Мыса Доброй Надежды только потому, что она назвала его Самуэлем?

– Но почему именно Самуэль?

– Не знаю. Так мне захотелось.

– Но почему вам этого хотелось?

– Да как же я могу вам на это ответить? Я думаю, никто в мире этого не знает. Разве можно ответить, почему или отчего? Мой Джэми, например, так любит сливки, что когда нет их, он, по его собственному выражению, готов проглотить язык. А Тимоти сливок в рот не берет. Я вот люблю слушать, как гремит гром, а моя Кэтти во время грозы залезает под перину. Только бог может знать, почему или отчего. Мы,

смертные, этого не знаем. Довольно с нас того, что нам нравится или не нравится. Мне нравится – вот и все. А почему нравится, – этого никто не может знать. Мне вот нравится имя Самуэль. Это чудесное имя, и в самом звуке есть что то непостижимое и чарующее.

Сумерки сгущались, и я молча смотрел на прекрасный, пощаженный временем лоб Маргарэт, на ее широко расставленные глаза, ясные и пронизывающие. Она встала, как бы давая мне понять, что пора уходить.

– Вам будет темно возвращаться, – сказала она. – Пожалуй, будет дождь.

– А что, Маргарэт, – спросил я вдруг без всякой задней мысли. – Вы никогда ни о чем не сожалеете?

Она посмотрела на меня внимательно.

– Мне жаль, что я не родила еще одного сына.

– И вы бы... – произнес я.

– Да, конечно, – перебила она, – я бы дала ему то же имя.

Возвращаясь домой по темной дороге меж ивовых плетней, я думал о всех этих «почему» и повторял то громко, то тихо: «Самуэль». Я вслушивался в это сочетание звуков, бывшее причиной стольких трагедий в жизни Маргарэт Хэнэн. В этом звучании, в этом имени было что-то чарующее. Да, было!